

Н. Воронина

**Понимание личности и смысла цивилизации
Э. В. Ильенковым как выражение
«феноменологии духа» марксизма**

Быть до конца последовательной — это определение мысли, поскольку она — мысль. Честно держать «удар», напор мысли, проводя ее до последних возможных для ума оснований, — это призвание философа. Эвальд Ильенков пытался быть верным этому призванию, что было слишком большой смелостью и неизбежно должно было привести к гонениям, травле, которую он тяжело переживал. Ильенков верил в идеалы коммунизма и в социализм, он был верен марксизму, и он хотел быть последовательным, мыслить до конца, то есть собственно мыслить. Выполнима ли была эта задача при таких исходных условиях? Он ушел из жизни сам. Что это было — срыв, действие в состоянии аффекта или — осознание великой неудачи, великой ошибки, великого самобмана? Это останется его тайной.

В детстве слово, мысль, музыка окружали и увлекали его. Может быть, именно музыкальные впечатления и страсти, музыкальные темы стали темами его мысли? («Как музыка Вагнера пусть звучит она (тема шествия войны. — *Н. В.*), монолитной лавиной, составленная из звуков, теряющихся в общем звучании...»¹) Не эта ли величавость безличного Абсолюта, которая слышалась ему в музыке Вагнера или в мысли Вивекананды, искушала его? «У меня все растет и крепнет убеждение, что нам очень и очень необходим Бог... Именно такой Бог, как у ЛН... (Толстого. — *Н. В.*)»²; «Современный человек, как человек, не хорош тем, что внутри себя не имеет того внутреннего устремления...

¹ Новохатько А. Г. Феномен Ильенкова // *Ильенков Э. В. Философия и культура*. М.: Политиздат, 1991. С. 7.

² Новохатько А. Г. Там же. С. 10.

которое раньше называли Богом... Слишком материалистическое восприятие всего, понимание только поверхности новых моральных устоев, не вникая в душу нового мировоззрения...»³. В этих строках виден религиозный темперамент и поэтически-эстетическое отношение к «божественному». Возможно, отчасти и к жизни и творчеству Ильенкова можно применить те слова, которыми он описывал духовную эволюцию Вагнера: «На протяжении всей своей жизни Вагнер разделял все иллюзии этого процесса (буржуазного преобразования жизни. — *Н. В.*), придавая им предельно острое художественное выражение, переживая последовательно крах этих иллюзий, ища новые точки опоры и приходя к новым иллюзиям. Поэтому его творчество оказалось своеобразной „Феноменологией духа“ всего XIX века...»⁴.

Главный теоретический приоритет философии Ильенкова, как последователя Спинозы и Гегеля, — целое, тотальность, всеобщее как целокупность, взаимосвязанное всецелое. Этот приоритет мы ясно видим в концепции сущности человека, в понятии личности.

Одним из главных вопросов понимания личности является вопрос о свободе воли. Связь свободы и необходимости — ключевой пункт, являющийся водоразделом органических и персоналистических концепций личности. В органических и пантеистических концепциях свобода в конечном счете совпадает с необходимостью. А высшая цель, или идеал, определяющий деятельность личности, понимается как имманентный субстанции, природе, истории и т. п.

По Ильенкову, свобода воли — негативно понимается как независимость от всего сплетения причинно-следственных зависимостей внешнего человеку мира, позитивно — как способность строить действия сообразно цели, понимаемой как идеал. Следуя Спинозовскому пониманию свободы как независимости от частных и случайных обстоятельств, но сообразованности действия с универсальной зависимостью субстанции, Ильенков считает эту универсальную за-

³ Новохатько А. Г. Там же. С. 9–10.

⁴ Там же. С. 8.

висимость Природы познаваемой и выразимой в «теоретически и эстетически выверенном идеале». Итак, Субъектом в полном смысле и свободной личностью является Материя как субстанция-субъект, здесь необходимость и свобода полностью тождественны.

Род человеческий как исторически развивающаяся социальная система, динамический ансамбль людей, связанных взаимными узами⁵, в большей мере свободная «личность», чем отдельный человеческий индивид. Дело в том, что именно роду в целом присуща «универсальная» деятельность. Универсальность человеческой жизнедеятельности состоит в том, что всю природу она превращает в свое неорганическое тело. Природа становится жизненным средством, предметом и орудием жизнедеятельности человека — даже звездное небо становится предметом его внимания прежде всего в качестве компаса и календаря.

Утилитаризм такого понимания очевиден, он и неизбежен с позиции признания «практики» в роли абсолютного источника отношения человека к миру. Но в этом понимании заложено серьезное противоречие между конкретно-историческим, и тем самым исторически ограниченным, характером практики и той непосильной ролью, которая на нее возлагается, — иметь всеобщий и универсальный характер.

С точки зрения марксистского подхода Ильенкова практика *во всем ее объеме* является конкретным и в то же время всеобщим процессом, «поэтому общие законы изменения природы человеком оказываются и общими законами изменения самой природы»⁶. Будучи осознанными, они выступают как законы разума. Так обосновывается «тождество» всеобщности природы, всеобщности практики и всеобщности мышления. Ключевым моментом этого теоретического хода является отождествление конкретных социально-исторических форм практики со всеобщностью универсальной закономерности природы. Всеобщее оказывается имманентным историческому процессу.

⁵ Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., 1984.

⁶ Там же.

Этот парадокс Э. В. разрешает помещением всеобщности в будущее. Универсальная необходимость природы становится имманентной разуму как «теоретически и эстетически выверенный идеал», являющийся образом «необходимо наступающего будущего». Будущее, которого еще нет, уже есть как идеал и, определяя деятельность личности, соразмеряет эту деятельность с универсальной зависимостью природы, делая тем самым свободной. Трудно квалифицировать такое понимание как материализм, раз разум становится «местом» полного присутствия всеобщности. Альтернативой могла бы быть лейбницевская идея предустановленной гармонии, если бы она была признана существующей между всеобщностью природы и всеобщностью деятельности, но кто предустановит ее в материалистически-пантеистическом космосе?

А что если разум ошибется и неправильно составит «образ необходимо наступающего будущего»? На что тогда ему опереться, чтобы гарантировать себя от фатальной ошибки, — на практику — критерий истины? Но она сама исторически ограничена и становится всеобщей с учетом того будущего, которого как раз и нет. В строгом смысле такая концепция свободы была бы возможна для того, кто сочиняет ее, имея перед собой полностью завершенную практику, после, так сказать, конца истории. Эти противоречия неизбежно возникают для всех теорий, признающих имманентность идеала.

Что касается собственно личности, не в качестве коллектива, а в качестве индивида, то она еще в меньшей степени может претендовать на автономность, самоопределение и свободу, чем человечество в целом, развивающееся естественно-исторически, законосообразно. «Личность не только существует, но и впервые рождается именно как «узелок», завязывающийся в сети взаимных отношений, которые возникают между индивидами в процессе коллективной деятельности (труда) по поводу вещей, созданных и создаваемых трудом⁷. Масштаб личности произведен от степени

⁷ Ильенков Э. В. Что же такое личность? // Философия и культура. М., 1991 С. 393.

всеобщности результата ее деятельности. Личность — это индивидуализированная всеобщность, открывающая нечто новое для всех. Чтобы стать этой всеобщностью, этот «узелок» каким-то образом должен замкнуть на себя всю вселенную. Как это возможно? Один из возможных, а может быть, и единственно возможный путь, последовательно и логически вытекающий из всей концепции, представлен в «Космологии духа».

Небольшая ранее неизвестная работа Э. В. «Космология духа» (начало 50-х) написана в жанре, который сам автор определил как «философско-поэтическую фантазмагорию», опирающуюся, однако, на принципы диалектического материализма. Проблема, о которой здесь идет речь, «в наивно-мистической постановке», как пишет автор, «известна под названием проблемы конечной цели существования человечества»⁸. Эта работа, благодаря предельному ракурсу рассмотрения, а именно ракурсу смысла жизни, цивилизации, смысла существования «мыслящей материи», ее миссии во вселенной, сконцентрировала в себе всю напряженную противоречивость мысли Ильенкова, она очень точно выражает как его философско-поэтически-религиозный темперамент, так и основные теоретические узлы его мышления. Пользуясь терминологией самого Э. В., эту работу можно считать «конкретно-всеобщим» выражением его творчества.

Продумывая соотношение материи и мысли, Ильенков пытается ассимилировать Спинозовский пантеизм, совместить его с принципами диамата. Понятие субстанции, как его развивал Спиноза, играет здесь решающую роль. Перестав рассматривать протяжение и мышление в качестве двух субстанций и переосмыслив дуализм Декарта в монистическом ключе, назвав мышление и протяженность атрибутами субстанции, Спиноза, по мысли Ильенкова, превратил бога в лишней и ненужный псевдоним бесконечной и вечной «телесной субстанции», которая существует не отдельно от реальных тел природы, а только в них и через них, в том

⁸ Ильенков Э. В. Космология духа // Там же. С. 421.

числе в «модусе» мыслящего тела человека⁹. Спинозовское понимание активности этой субстанции, являющейся причиной самой себя, Ильенков развивает в гегелевском духе и понимает не только как субстанцию, но и как субъект, с присущей ей имманентной необходимостью саморазвития, внутреннего саморазличения и внутренней противоречивости. «Диалектико-материалистическая философия своим пониманием субстанции развивает плодотворные традиции Спинозы и Гегеля; субстанция, с одной стороны, понимается как материя, а с другой стороны, эта материя трактуется одновременно как субъект всех своих изменений, как „субстанция-субъект“... Субъект, наделенный сознанием и волей, т. е. личность, тут понимается как модус той же самой всеобщей субстанции, как способ ее саморазличения, как ее представитель и лишь постольку — как субъект»¹⁰. Только субстанция — «мать-природа» — подлинная личность.

Поскольку мышление является «атрибутом» субстанции, постольку «материя постоянно обладает мышлением». А раз так, то если в одной точке бесконечного пространства материя губит орган мышления, то с той же «железной» необходимостью она его воспроизводит в другой точке. Так что в целом материя актуально полна и совершенна. Мышление есть абсолютно высшая форма движения и развития материи. «Бесспорно» — философия не может допустить формы более высокоорганизованной, так как это поставит под угрозу принцип познаваемости — «такое допущение было бы совершенно равнозначным признанию такой сферы действительности, которая принципиально непознаваема для мышления»¹¹.

Итак, путь «вверх», к трансцендентному и таинственному, исключен. На пути мыслителя стоят жупелы «всякой чертовщины и мистики в виде Бога, Мирового Разума или Провидения» и диалектический материализм со своим принципом познаваемости. Вот уж прав был Шестов, говоря, что

⁹ Ильенков Э. В. Субстанция // Там же. С. 340.

¹⁰ Там же. С. 343.

¹¹ Ильенков Э. В. Космология духа // Там же. С. 417.

непременным условием существования бога, философ поставит подчинение этого бога требованиям философского разума. Материя-субстанция, бесконечно совершенная, «должна быть» познаваема. Ее субстанция, бесконечность и совершенство оказываются производными от нашей способности судить об этом совершенстве. Признание за ней всех мыслимых совершенств дается ей взамен на то, что признающий — сам ставит себя на максимально высшую ступень ее развития. Наш разум, являясь всего лишь одним из бесконечных атрибутов, и даже модусов субстанции, требует, чтобы она подчинялась своему модусу и была для него прозрачна, иначе как он узнает о своем абсолютном совершенстве. Что же сулит ему это важное знание?

В смысле поступательного развития мыслящий мозг — абсолютно высшая точка круга, «за нею следует возвращение материи в более элементарные и ранее пройденные формы»¹². В перспективе остывания вселенной — что же остается делать ее высшему цветку? Жертвоприношение себя в пользу раскаленной газовой туманности, разогрева вселенной каким-нибудь искусственным взрывом — самоубийство, совершаемое с самосознанием абсолютной ценности высшего и необходимости принести это высшее в жертву низшему с надеждой и даже железной убежденностью, что материя «обязана» опять породить дух. «Мыслящий дух при этом жертвует самим собой, в этом процессе он не может сохраниться. Но его самопожертвование совершается во имя долга перед матерью-природой». «Смерть мыслящего духа становится подлинно творческим актом...», «новые существа» будут созерцать звездное небо «с гордым сознанием, что эти миры обязаны своим существованием» мыслящему духу и его жертве, что станет для него знаком его неограниченной собственной власти над предметным миром¹³.

Вот и апофеоз этой логики. Если Бога нет, моя власть над миром не ограничена, и я творю мир вместо Бога, и это творение оказывается самоубийством.

¹² Ильенков Э. В. Космология духа // Там же. С. 419.

¹³ Там же. С. 435.